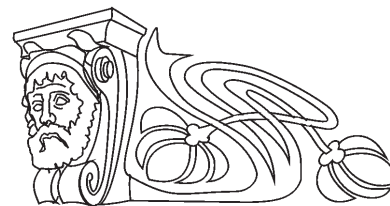

УДК 111+1(091)

Онтология и язык в контексте лингвистического поворота

Ю. М. Дуплинская

Дуплинская Юлия Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., duplinskaya@yandex.ru

В статье анализируется корреляция между лингвистическим поворотом и поворотом к онтологии. Идеалу «чистого разума» в классической философии соответствовали *гносеологическая* и *методологическая* ориентированность философской мысли, а поворот к языку в философии XX–XXI вв. сопровождается поворотом к онтологии. Доказывается, что при всех расхождениях русская и западная философия языка имеют точки сходимости в сфере онтологии. Как русская, так и западная философия языка, усматривают предельные основания онтологии в слове, звучащем или написанном, энергии звуков или комбинаторике знаков. Констатируется, что интеллектуальные традиции такого рода криптомифологичны и имеют корни в единой традиции авраамических религий. Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как написанное (иудаизм и ислам). И Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как сказанное, звучащее слово, несущее в себе энергии творения (православие). Предпринимается «деконструкция» концепции Ж. Деррида. Показано, как онтология постметафизического письма может быть трансформирована в онтологию энергий русского имяславия. Анализируется связь между двумя поворотами: лингвистическим поворотом в современной философии и поворотом «от механизма к организму» в современном общенаучном мировоззрении.

Ключевые слова: лингвистический поворот, поворот к онтологии, поворот от механизма к организму, философия языка, имяславие.

Поступила в редакцию: 10.04.2020 / Принята: 20.05.2020 /
Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>

Классическая философия исходила из примата *понятия* по отношению к *слову*; *мышления* по отношению к *языку*. Идеал «чистого разума» предъявлял к языку требование, которое предъявляется к зеркалу или оконному стеклу: быть прозрачным, «чистым зеркалом внесловесного познания» [1, с. 321]. В философии XX–XXI вв. совершается поворот, получивший название «лингвистический поворот». Произошедшая «переоценка ценностей» изменила приоритеты в пользу языкового мышления. Мысль, «одетая» в языковые оболочки, теперь получает преимущество перед «чистым разумом».

О лингвистическом повороте написано много. Однако поворот к языку имеет весьма интересный аспект, который будет предметом нашего анализа. Отметим любопытную корреляцию. Идеалу «чистого разума» в классической философии соответствовали *гносеологическая* и *методологическая ориентированность* философской мысли. А вот «лингвистический поворот» в XX–XXI вв. сопровождается поворотом к онтологии. Именно «непрозрачные», «плотные» аспекты языкового мышления открывают пути к онтологии, забытые в эпоху господства «чистого разума».

Отдаем ли мы себе отчет в том, что очищенное от качеств постижение бытия «чистой мыслью» есть только «отрицательное», но не «положительное» знание? В самом деле, всякое определение по своей сути есть *ограничение* (т. е. отрицательное знание), а всякий закон – от нравственного до естественнонаучного – имеет смысл *запрета* (чего *не* может быть, чего *нельзя* делать), даже если он формулируется в «позитивных» терминах. А вот *Слово*, в отличие от «бестелесного» концепта, само является неким сгустком бытия и способно схватить онтологические реалии *позитивным* образом. Здесь мысль обретает «вкус», «запах», «цвет» и онтологическую плотность. Иные слова, по замечанию П. Флоренского, могут быть весом как многопудовые камни. Слову, а не отвлеченному понятию даны полномочия представительства онтологии.

Конкурентом слову естественного языка, на первый взгляд, здесь мог бы быть язык математики. Но известному утверждению Галилея, согласно которому книга природы написана на языке математики, можно противопоставить следующее рассуждение С. Хокинга. Построение математических моделей Вселенной описывает лишь возможные миры, но не дает ответа на главный вопрос: «Что же вдыхает огонь в эти формулы», почему мир *есть*, почему он вообще *существует*? «Почему должна существовать Вселенная, описываемая моделью. Зачем Вселенная готова влачить бремя существования?» [2, с. 164]. Характерно, что эти рассуждения известного физика созвучны идеям М. Хайдеггера, который считал язык науки вообще непригодным для размышления о подобных вопросах («наука не мыслит»). Бытию соразмерен и не всякий из

естественных языков, ибо слова современных европейских языков уже утрачивают онтологическую плотность. «Зов бытия» Хайдеггер пытался расслышать в языке древних греков, слова которого еще хранили тяжесть «многопудового камня».

Итак, слово в отличие от «бесплотного» понятия имеет онтологическую плотность. Онтологические характеристики слова раскрываются философией русского имяславия. П. Флоренский рассматривает два аспекта онтологии слова: 1) слово *мистично* и 2) слово *магично*. Слово *мистично* в той мере, в которой оно является не просто произвольным «маркером» вещи, а само и «*есть знаменуемая им реальность*». И слово *магично* в той мере, в которой оно способно напрямую воздействовать на реальность [3, с. 245].

Мистический характер слова П. Флоренский иллюстрирует феноменом великого мистика Якоба Беме, который не знал ни одного иностранного языка. Тем не менее Беме без перевода понимал многое, что говорилось на незнакомых ему языках, «и понимал именно потому, что ему хорошо известен был язык природы». Желая открыть аутентичную суть вещи, Беме спрашивал, как данная вещь называется на иврите, на греческом и на латыни, ибо именно эти языки являются ближайшими к первоначальному *адамическому языку*. Когда же «ему нарочно сказывали не настоящее имя вещи, то Беме по наружным признакам угадывал, что имя вещи не таково» [3, с. 205].

Магические характеристики слова связаны с возможностью прямого воздействия слова на вещь. Это убеждение, на котором всегда основывалась магия, П. Флоренский обосновывает в русле концепции *изотропы* и концепции *синергии*. В слове открываются *онтологические изотропы* – кратчайшие пути бытия [3, с. 284]. Все пути в нашем «падшем» мире являются окольными. И только слово может открыть прямой, наикратчайший путь к бытию. Возможность энергетического воздействия слов на вещи П. Флоренский рассматривает в русле исихастского учения об *энергиях* и *синергии*. Звучащее слово несет в себе энергии творения и тем самым способно магическим способом, т. е. напрямую и непосредственно, воздействовать на реальность. В аспекте *количества* энергия слова, разумеется, ничтожно мала. Однако необходимо учитывать не только количественный, но и *качественный* аспект этой энергии. Энергия звучащего слова тонко дифференцирована и высоко упорядочена. Поэтому слово воздействует *избирательно*, по принципу *резонанса*. Магическое действие слова основано, таким образом, на принципе *синергии* – резонанса двух энергетических потоков.

В рассуждениях П. Флоренского явственно звучат отголоски мифа о первом – *адамическом языке*, сообщенном Богом Адаму и забытом после Вавилонского смешения. Адамический язык отличался от всех возникших впоследствии тем, что слова его еще сохраняли в себе энергии творения, которыми Бог воззвал из бездны Ничто все созданные Им вещи. Слова этого языка не были пустыми знаками, произвольно прикрепляемыми маркерами вещей, а имели симпатическую связь с именуемыми вещами.

Современная западная философия языка являет очевидную противоположность положениям имяславия. Две версии языка – русская и западная – в такой явной оппозиции, что, минуя разрыв в историческом времени, их стоит поместить в общее пространство полемического диалога. Жаку Деррида, дабы легитимизировать универсальные притязания собственной концепции, главным объектом деконструкции следовало бы избрать Павла Флоренского.

Артикулируем основные пункты оппозиционного противостояния. Постоянное ускользание означаемого и фатальное несовпадение означаемого и означающего в западной философии языка *versus* слово само и «*есть знаменуемая им реальность*» в русской философии. *Differance* как генерирующий *источник различий* в западной философии языка *versus* синергия – *соединение энергий* в слове в русской философии. Диссеминация, игра смещений, рассеивание текста треками расходящихся следов в западной философии языка, *versus* слово как «конденсатор всей душевной жизни» в русской философии [3, с. 255]. Знак как способ *отсрочки* и откладывания актуального соприкосновения с вещью в западной философии языка, *versus* слово как *кратчайший путь* по изотропе в русской философии. Примат письма (грамматология) в западной философии языка, *versus* энергии звучащего слова в русской философии.

Однако, как ни парадоксально, эти противоположные версии языка коррелируют в плане онтологии. Оппозиция в русле лингвистического поворота оборачивается точками сходимости при повороте к онтологии. Наметим несколько возможных траекторий такого соединения.

1. «В Начале было Слово»

Слово, которое «само и есть знаменуемая им реальность» в русском имяславии, и «мир как текст» в философии постструктурализма ... Как русская, так и западная философия языка, так или иначе возводят предельные основания онтологии к слову, звучащему или написанному, энергии звуков или комбинаторике знаков. Но все интеллектуальные традиции такого рода крипто-

мифологичны и имеют корни в общей сакральной традиции. Это библейская версия творения, согласно которой «в начале» онтологии «было Слово» – слово первотворения. Но есть разночтения в рамках религий, которые принято относить к общему классу авраамических религий.

Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как *написанное* или *начертанное* слово. Такого толкования придерживаются иудаизм и ислам. В исламской версии мир создавался как Текст, который был написан Божественным Пером, а затем Божественным дыханием перенесен на нижние уровни существования. Человек должен стараться быть Пером в руке Творца. Онтологическим смыслом здесь наделяется даже форма начертания букв (например, в поэзии суфиев отдельные черты лица возлюбленного сравниваются с красиво написанными буквами арабского алфавита). В иудаизме акцент делается на перестановках букв изначального Текста. Это онтология Слова, трактуемого как *слово-код*, или *слово-матрица*. Многообразии сущего объясняется по логике *комбинаторики* – *анаграммы*, или серии мутаций текста изначальной аутентичной Торы.

Слово, которое было «в Начале», может интерпретироваться как *сказанное, звучащее* слово. Звучащее слово в отличие от написанного несет в себе *энергии творения*. На онтологии *энергий* делается акцент в учении восточных отцов христианского богословия. Такое толкование оказалось ближе православию, вероятно, благодаря традиции исихазма – практике православного монашества. *Онтология энергий*, которые несет в себе звучащее слово, не имеет аналогов в западной философии, равно как и практика исихазма не имеет аналогов в католицизме и протестантизме. Отсюда еще одна любопытная параллель между сакральными традициями и философской мыслью. Запрет произносить имя Божие в иудаизме коррелирует с отсутствием «трансцендентального означаемого» в концепциях западной философии языка (Имя, Которое Бог открыл Моисею в пустыне, пишется как «четырёхбуквие», но никогда не произносится). Повторение Имени Божьего в практиках Иисусовой молитвы исихазма коррелирует с учением о прямой связи между «означающим» словом и «означаемым» предметом в философии русского имяславия.

2. «Красное смещение» в эволюции текста

Впрочем, не будем далее поминать Имя Божие всуе. Попробуем обнаружить точки соединения онтологий, совершив деконструкцию философии самого Ж. Деррида. Предпримем, если можно так выразиться, «деконструкцию деконструкции».

Предшествующая традиция, именуемая Деррида *метафизикой присутствия*, имела основанием презумпцию пребывания во времени *актуального настоящего*. Поэтому метафизика присутствия подвергается деконструкции, прежде всего, через «лишение настоящего его привилегированного статуса» [4, с. 133]. Как резонно замечает Деррида, отношение между означающим и означаемым предполагает неизбежный разрыв во времени. Ведь знак ставит себя на место вещи, замещая ее и тем самым создавая отсрочку актуального соприкосновения с ней, «когда мы могли бы встретить саму вещь, ... ее коснуться, увидеть ее, иметь ее наличную интуицию» [5, с. 178]. Более того, в универсуме постметафизического письма знак отсылает не к вещи, а только к другому знаку, а значит, совершает отсылку в такое «прошлое, которое никогда не было присутствующим» [5, с. 195] и не было настоящим.

Как продолжение деконструкции напрашивается дальнейший ход рассуждений. А прошлое? А будущее? А, наконец, само *время* как таковое? Что стоит за этими привычными словами после произведенной деконструкции настоящего? Как справедливо заметил О. Шпенглер, в отличие от пространства, которое является научным понятием, *время – это только слово для обозначения чего-то непонятного*. Далее. Примечательно, что слово «время» Деррида вводит в *классической связке* с другими словами, также предназначенными для обозначения «чего-то непонятного». Это «*сила*» и «*энергия*». Солидаризируясь с Ф. Ницше, Ж. Деррида противопоставляет метафизической грамматике игру «различных сил и силовых различий» [5, с. 191]. Но игра «силовых различий» есть *энергия*, работа, совершаемая силой.

Время и энергия... Эти слова могут быть примерами того, как привычные шаблоны языка создают *иллюзию* понимания, ничего не проясняя по сути. Тем не менее констатируем, что «энергия» и «время» (случайно ли?) оказываются в связке в различных языковых системах, как в языке философии (Ж. Деррида), так и языке фундаментальной науки (как канонически сопряженные переменные). В этом плане отслеживается также любопытная корреляция между русским имяславием и западной философией языка. Самотождественность значений преодолевается как в русской, так и в западной философии, но в противоположных направлениях. В западной философии – через «темпорализацию» языка и онтологии, а в русской – через «энергетизацию» языка и онтологии. Этому соответствуют полюса *симулякра* (западная философия) и *символа* (русское имяславие). Первый замещает онтологию

отсутствия, являющего себя в сериях непрерывных смещений во времени; второй через соединение энергий открывает выход к онтологии, где бытие *больше* самого себя.

Разумеется, и «время», и «энергия» открыты для деконструкции. Но все же язык науки ускользает от деконструкции, поскольку не ставит задачи ответа не вопрос: «*что*» есть время и «*что*» есть энергия. Понятия точного естествознания отвечают не на вопрос «*что*», а на вопрос «*как*»: как изменяются значения одной переменной в зависимости от изменения значений другой переменной. Конечно, и это не исключает возможности деконструкции языка науки, но только в случае, если такая деконструкция позволит перестроить математический аппарат фундаментальных теорий. Зато соотношение между такими «канонически сопряженными переменными», как энергия и время, позволяет совершить деконструкцию философии самого Ж. Деррида, стоит лишь от философского вопроса «*что*» перейти к сциентистскому вопросу «*сколько*». Пусть между «означающим» и «означаемым» всегда есть отсрочка, зазор во времени. Но ведь *время* этой отсрочки может быть *как больше, так и меньше!* И надо полагать, соотношение переменных энергии и времени в любых осцилляциях, будь то квантовые флуктуации или «игра силовых различий» текста, о которой ведет речь Ж. Деррида, подчиняется одному закону. Время и энергия взаимно «конвертируемы». Увеличение времени проброса соответствует уменьшению энергии осцилляций, а уменьшение времени проброса соответствует увеличению их энергии. Тем самым можно очертить «верхний» и «нижний» пороги, в пределах которых может существовать постструктуралистский текст.

I. Онтология следа еще указывает на *вход энергий творения*. Здесь время отсрочки между означаемым и означающим *минимально*, а энергия различия максимальна, что соответствует *максимальной интенсивности различий*.

II. «Красное смещение», аналогичное тому, которое наблюдается в эволюции Вселенной. Время отсрочки между означаемым и означающим *увеличивается*, что соответствует *уменьшению интенсивности различий*. По мере того, как энергия различия иссякает, различия становятся *безразличными*. Различия, лишённые интенсивного измерения, не интересны в той же мере, как не интересны различия между камешками гальки, равномерно покрывающими морской берег.

III. В процессе «красного смещения» – увеличения времени отсрочки между означающим и означаемым – исчезает *след* означаемого, превращаясь в «след стирания следа» [5, с. 200]. «Трёхмерное пространство языка» (семантика, синтаксис,

прагматика) коллапсирует к двумерной плоскости отношений между означающими. Остается только игра означающих, напоминая осцилляции текста. Как замечает С. Малкина, «есть только ритм, их пульсация, индивидуализирующая стиль письма в данном локусе» [6, с. 41]. Но коль скоро речь зашла о «пульсациях» письма, между ними могут быть отношения как синхронизации, так и диссинхронизации, и, наконец, *синергии* – резонанса пульсаций. Таким образом, «на выходе» мы снова получаем синергию – то, в чем русское имяславие усматривало возможность совпадения между словом и его означаемым. Но все же постструктуралистская синергия «на выходе» является пародией синергии «на входе». Синергия «на входе» актуализирует память о забытом адамическом языке, а синергия «на выходе» обусловлена «забвением забвения», в котором теряется даже след трансцендентального означаемого.

3. Слово как живой организм

Еще одна траектория соединения онтологий выявляется на стыке между: а) поворотом *от «чистого разума» к языку*, изменившим интеллектуальный «ландшафт» современной философии; б) поворотом *от механизма к организму*, меняющим интеллектуальный «ландшафт» современного общенаучного мировоззрения. В предыдущей парадигме фундамент представлений о реальности закладывала физика. Концепции физики служили базовой моделью, а язык физики был источником метафор для всех остальных наук. Сегодня эта роль переходит к наукам о жизни. Происходит переориентация от «физикалистских» моделей и метафор, господствовавших в науке до недавнего времени, к «организмическим» и экологическим моделям и метафорам. По мнению Ф. Капры, этот поворот по своим масштабам может быть сопоставлен с поворотом от геоцентрической системы Птолемея к гелиоцентрической системе Коперника [7, с. 28].

Отвлеченные понятия «чистого разума» коррелировали с онтологией «фундаментальных частиц» и отношений между ними. *Единицей реальности* здесь была *частица* (точка, физическая частица, вещь, индивидуальное тело). Эта первичная «естественная» интуиция реальности – не столь уж «первична» и не столь уж «естественна», так как по сути произрастает на почве панфизикализма. А вот в «организмической» модели *единицей реальности* является не частица, а *складка*. Панорганизмический универсум в отличие от панфизического – это онтология, состоящая из *оболочек и складок, вложенных в другие складки*. Такой онтологии более соразмерен универсум слов естественного языка, нежели отвлеченных понятий.

Параллель между словом, складкой и организмом проводится как в русской, так и западной философии. По П. Флоренскому слово есть некая «звуковая индивидуальность», замкнутый в себе звуковой, или «воздушный организм, сотканный звуковыми волнами» [3, с. 251]. Заметим, что некоторые интуитивные прозрения П. Флоренского в этом плане выглядят прямо-таки предвосхищением современной синергетики. Он проводит параллель между произнесенным словом и устойчивыми вихрями самоорганизации, «вихревыми кольцами», формирующими в тонких средах (жидкостях, газах) что-то наподобие тел неких живых организмов. Такая параллель (удивительно созвучная современным концепциям теории самоорганизации) дает основание русскому философу увидеть в слове организм, некое «живое существо, отделяющееся от наших голосовых органов». Поэтому иной раз сказать слово – это в некотором роде посадить *семя*: «Слово есть уже живой организм, имеющий свою структуру и свои энергии» [3, с. 265].

Параллель между словом и организмом позволяет по-новому взглянуть на некоторые утверждения западной философии языка. Вспомним знаменитое сравнение мысли с артишоком в лингвистической философии. Л. Витгенштейн сравнивает языковые оболочки с «одеждой» мысли, которая не только «одевает», но и «переодевает» мысль. Но если, – продолжает сравнение Л. Витгенштейн, – мы пожелаем увидеть «настоящую» мысль и начнем «раздевать» ее, снимая одну за другой языковые оболочки, будет то же самое, как при попытке найти под оболочками листьев «настоящий» артишок. В мысли, как и в артишоке, кроме оболочек, ничего нет [8, с. 146]. В свете аналогии между словом и организмом данное сравнение вопреки шаблонной оценке концепции Витгенштейна может расцениваться не как нигилистическое, а как конструктивное в высшей степени. Примем во внимание, что способность организмов к восприятию формируется отнюдь не через срывание оболочек, а наоборот, через формирование оболочек – покровов. Только имея оболочки, организм способен отражать свет, а значит, видеть. Мы видим благодаря оболочкам и теряем способность видеть при их отсутствии (не случайно на иврите «видеть» и «покров» обозначаются одним словом). В онтогенезе, как свидетельствует эмбриология, кора головного мозга формируется из эктодермы, т. е. из покровных оболочек. Потому формирование языковых обо-

лочек может рассматриваться как продолжение того же самого процесса: формирования и совершенствования органов восприятия. Изощрение воспринимающей способности совершается в процессе наращивания оболочек и покровов (как приспособлений для отражения света), а отнюдь не через их устранение. Все это может получить обобщение в радикально новой модели реальности. Базовой онтологической единицей в этой модели является не вещь, частица или точка, а *складка*. Такова онтология Ж. Делеза [9].

Аналогия между диссеминацией текста и размножением организмов проводится и в концепции Ж. Деррида. Как заметил В. Косыхин, в термине *dissemination* обыгрывается «грамматологическое родство между семьей (семантическим смыслом) и семенем» [4, с. 140]. Но это размножение более напоминает *шизогонию*. Термин «шизогония» в биологии обозначает способ ускоренного размножения одноклеточных, приводящий к лавинообразному росту их количества. Можно сказать, эволюция лингвистических организмов направлена вспять по отношению к биоэволюции. От Слова-организма – к шизогонии, а от шизогонии – к «вирусам» информационных матриц симулякров третьего порядка.

Список литературы

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб. : А-сад, 1994. 404 с.
2. Хокинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени. СПб. : Амфора, 2011. 180 с.
3. Флоренский П. У водоразделов мысли // Флоренский П. Имена. М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. С. 15–340.
4. Косыхин В. Г. Онтология и нигилизм. От Хайдеггера к постмодерну. Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2008. 196 с.
5. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб. : Алетейя, 1999. 208 с.
6. Малкина С. М. Бытие человека как становление письмом // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 37–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-37-42>
7. Капра Ф. Паутина жизни. М. : ИД «Гелиос», 2002. 336 с.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
9. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М. : Логос, 1998. 264 с.

Образец для цитирования:

Дуплинская Ю. М. Онтология и язык в контексте лингвистического поворота // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 253–258. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>

Ontology and Language in the Context of the Linguistic Turn

Yu. M. Duplinskaya

Yuliya M. Duplinskaya, <https://orcid.org/0000-0002-1990-6828>, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia, duplinskayay@mail.ru

The correlation between the linguistic turn and the turn to ontology is analyzed. The ideal of “pure mind” in classical philosophy is corresponded to epistemological and *methodological* orientation of philosophical thought, and the turn to language in the philosophy of the XX–XXI centuries is followed by the turn to *ontology*. It is proved that, despite the contrast, Russian and western philosophy of language have convergence points in the sphere of ontology. Both Russian and western philosophy of language reveal the bases of ontology in the Word, sounding or written, and in the energy of sounds or combination of signs. It is shown that such intellectual traditions are kriptomythological and have roots in the common tradition of Abrahamic religions. The word which was “at the beginning” can be interpreted as *written* (Judaism and Islam). And the Word which was “at the beginning” can be interpreted as *told*, – the *sounding* word bearing in itself *the energy of creation* (Orthodoxy). “The deconstruction of deconstruction” of the concept of J. Derrida is undertaken. It is shown how the ontology of the post-metaphysical writing can be transformed into the ontology of the energies of Russian imiaslavie. Also the relationship between two turns is analyzed: the linguistic turn in modern philosophy and the turn “*from the mechanism to an organism*” in modern scientific outlook.

Keywords: linguistic turn, turn to ontology, turn from the mechanism to an organism, philosophy of language, imiaslavie.

Received: 10.04.2020/Accepted: 20.05.2020/Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*, Paris, Gallimard, coll. “Bibliothèque des sciences humaines”, 1966. 405 p. (Russ. ed.: Foucault M. *Slova i veschi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. 404 p.).
2. Hawking S., Mlodinow L. *A Briefer History of Time*. New York, A Bantam Book. A division of random house, 2005. 176 p. (Russ. ed.: Hawking S., Mlodinow L. *Kratchayshaya istoriya vremeni*. St. Petersburg, Amfora Publ., 2011. 180 p.).
3. Florenskiy P. U vodorazdelov mysli [At thought watersheds]. In: Florenskiy P. *Imena*. Moscow, Aksmo-Press, 1998, pp. 15–340 (in Russian).
4. Kosykhin V. G. *Ontologiya I nihilizm: ot Haydeggera k postmodernu* [Ontology and nihilism: from Heidegger to Postmodernism]. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava, 2008. 196 p. (in Russian).
5. Derrida J. *La Voix et le Phénomène*, Paris, Presses universitaires de France, 1967. 120 p. (Russ. ed.: Derrida J. *Golos i fenomen*. St. Petersburg, Aletaya Publ., 1999. 208 p.).
6. Malkina S. M. Human Existence as Writing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 37–42 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-37-42>
7. Capra F. *The web of life*. New York, Anchor Books. A division of random house, 1996. 368 p. (Russ. ed.: Capra F. *Pautina zhizni*. Moscow, ID Gelios Publ., 2002. 336 p.).
8. Wittgenstein L. *Philosophische Untersuchungen*. Oxford, Blackwell, 1953. 232 p. (Russ. ed.: Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovaniya*. Wittgenstein L. *Filosofskiye raboty*. Moscow, Gelios Publ., 1994, pp. 75–319).
9. Deleuze G. *Le Pli - Leibniz et le baroque*. Paris, Les Éditions de Minuit, coll. “Critique”, 1988. 191 p. (Russ. ed.: Deleuze G. *Skladka. Leibnits I barokko*. Moscow, Logos Publ., 1998. 264 p.).

Cite this article as:

Duplinskaya Yu. M. Ontology and Language in the Context of the Linguistic Turn. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 253–258 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-253-258>
